

Темпоральный поворот в науках о культуре: предпосылки, содержание и роль в динамике научного знания

Дмитрий Геннадьевич Горин

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.
dm.gorin@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-4235-7254>

Аннотация. Актуальность исследования обуславливается необходимостью определения темпорального поворота как результата научной рефлексии современных культурных трансформаций, затрагивающих способы кодирования и переживания времени и темпоральности. Цель исследования состоит в определении предпосылок, содержания и сущности темпорального поворота как одной из тенденций в современных науках о культуре. В статье решаются следующие задачи: (1) анализ предпосылок темпорального поворота в трансформациях современной культуры; (2) выявление признаков темпорального поворота в исследованиях культуры;

(3) конкретизация сущности темпорального поворота в контексте становления постнеклассической научной рациональности; (4) определение темпорального поворота в его отношении с другими поворотами в науках о культуре. Материалами исследования послужили современные российские и зарубежные научно-исследовательские тексты, в которых проявляются признаки, проблематика и рефлексия темпорального поворота. Методология исследования основана на синтезе элементов герменевтического подхода с категориальным анализом, дополненным историко-генетическим и сравнительным методами исследования проявления темпорального поворота в научной литературе, изменения роли времени в структуре научного знания в контексте культурных трансформаций. Результаты исследования состоят в выявлении признаков, позволяющих идентифицировать темпоральный поворот в его отношении с рефлексией современных культурных трансформаций, включая характерные для современных культур проявления множественной и нелинейной темпоральности. Проведённое исследование позволяет сделать выводы о том, что научная рефлексия темпорального поворота достаточно противоречива, что свидетельствует о его незавершённости. В то же время, основополагающие признаки темпорального поворота проявляются достаточно внятно, хотя и не всегда декларируются. К ним относятся: переход от субстанциональных и одномерных определений времени к реляционным и многомерным; утверждение идеи сконструированности времени, его имманентности конкретному социальному миру; смещение акцентов с универсальности на уникальность переживания времени; рассмотрение актуального переживания времени как многослойного пересечения разнообразных темпоральностей; актуализация проблематики взаимодействия темпоральностей в рамках одного предметного поля исследования.

© Горин Д. Г., 2026

Ключевые слова: темпоральный поворот, время, темпоральность, постнеклассическая наука, лингвистический поворот, постколониальный поворот, множественность миров

Для цитирования: Горин Д. Г. Темпоральный поворот в науках о культуре: предпосылки, содержание и роль в динамике научного знания // Концепт: философия, религия, культура. — 2026. — Т. 10, № 2. — С. 10–25. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-2-38-10-25>

Research article

The Temporal Turn in Cultural Sciences: Prerequisites, Content, and Role in the Dynamics of Scientific Knowledge

Dmitry G. Gorin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
dm.gorin@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-4235-7254>

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to define the temporal turn as the result of scientific understanding of modern cultural transformations affecting the ways of encoding and perceiving time and temporality. The purpose of the study is to determine the prerequisites, content, and essence of the temporal turn as one of the trends in modern cultural studies. The article considers the following tasks: (1) to analyse the prerequisites of the temporal turn in the transformations of modern culture; (2) to identify the signs of the temporal turn in cultural studies; (3) to clarify the essence of the temporal turn in the context of the formation of post-non-classical scientific rationality; (4) to define the temporal turn in its relationship with other turns in cultural studies. This study draws on the material of contemporary Russian and international scholarly texts that explore the characteristics, challenges, and reflections on the temporal turn. The research methodology is based on a synthesis of elements of a hermeneutic approach with categorical analysis, supplemented by historical-genetic and comparative methods for studying the manifestations of the temporal turn in scholarly literature and the changing role of time in the structure of scientific knowledge in the context of cultural transformations. The results of the study reveal characteristics that allow us to identify the temporal turn in its connection with reflections on contemporary cultural transformations, including manifestations of multiple and nonlinear temporality characteristic of modern cultures. It is concluded that the use of the concept of "temporal turn" in the scholarly literature and its definitions are highly inconsistent. This indicates its incompleteness, including its influence on methodology and research methods, as well as the identification of new subject areas. At the same time, the fundamental signs of the temporal turn are evident, although they are not always declared. These include such signs as: the transition from substantial and one-dimensional definitions of time to relational and multidimensional ones; the affirmation of the idea of the constructedness of time and its immanence in the concrete social world; a shift in emphasis from universality to the uniqueness of the experience of time; consideration of the actual experience of time as a complex multilayered intersection of various temporalities, which are described, mainly, not as sequences, but as flows; actualization of the problematic of the interaction of various temporalities within the framework of a single subject field of research. In social sciences and humanities research, the temporal turn is a trend closely linked to the emergence of post-classical rationality and the interdisciplinary role of other methodological turns.

Keywords: temporal turn, time, temporality, post-non-classical science, linguistic turn, postcolonial turn, plurality of worlds

For citation: Gorin, D. G. (2026) 'The Temporal Turn in Cultural Sciences: Prerequisites, Content, and Role in the Dynamics of Scientific Knowledge', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 10(2), pp. 10–25. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-2-38-10-25>

Глобальный кризис побуждает к критическому пересмотру культурных оснований существующего социально-гуманитарного знания и выработке новых подходов, оригинального теоретико-методологического инструментария, позволяющего адекватно определить вектор происходящих изменений. Так, одним из фундаментальных оснований культуры современных обществ считаются способы кодирования и переживания времени. Проблематика модерности и модернизации основывается на символическом освоении времени, которое становится объективированным и отчужденным от человека. Как следует ещё из рассуждений К. Маркса в его «Фрагменте о машинах»¹, если интенсивность производства постоянно растёт, то будет ускоряться и время, которое рано или поздно вступит в противоречие с жизненными ритмами человека. Став внешним для человека, время подчинило его себе, заставляя подстраиваться под ускоряющуюся ритмику различных процессов.

В условиях современных культурных трансформаций всё более очевидными становятся темпоральные противоречия между глобальными и локальными процессами, технологическим развитием, медиареальностью и многообразными жизненными мирами. В современной культуре темпоральность перестаёт быть универсальной, она становится множественной и нелинейной. Рост интереса к проблематике времени в последние десятилетия позволяет говорить о некоторых общих тенденциях, которые в различных научных областях определяются в качестве темпорального поворота. Необходимость

концептуализации темпорального поворота и определения его места в динамике наук о культуре в этих условиях становится всё более очевидной.

Тем не менее, только лишь фиксации роста интереса к проблематике времени недостаточно для обоснования темпорального поворота. Такой рост наблюдался и ранее, когда менялись темпоральные основания культур, однако темпоральный поворот представляет собой не просто разворот к исследованию темпоральности, его определение требует фиксации ряда признаков, отражающих изменения в методологии и предмете исследования. Обращает на себя внимание и тот факт, что в своём достаточно объёмном и фундаментальном описании развития наук о культуре в контексте серии методологических поворотов, Д. Бахманн-Медик [Бахманн-Медик, 2017] не упоминает темпоральный поворот среди семи поворотов, проанализированных ею, хотя его проявление вполне очевидно и связано с другими поворотами, — прежде всего такими, как лингвистический, постколониальный, интерпретативный, переводческий. К тому же, использование понятия «темпорального поворота» в научной литературе основывается на весьма разнообразных и даже противоречивых определениях. Это говорит о том, что методологические основания и содержание темпорального поворота находятся в стадии становления и не являются общепризнанными.

В этих условиях возникает необходимость уточнения того, каким образом наблюдаемый в наши дни интерес к проблематике времени отражает изменения в методологии, методах и предмете

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 2. Москва: Политиздат, 1980. С. 203–209.

социально-гуманитарных исследований, которые можно выделить в качестве признаков темпорального поворота. Соответственно, данное исследование направлено на определение содержания и сущности темпорального поворота в науках о культуре, а также выявление его предпосылок в современной культуре и роли в динамике научного знания в ракурсах смены типов научной рациональности и соотношения с другими поворотами.

Сущность и содержание темпорального поворота

Необходимость выделения темпорального поворота как одной из тенденций развития наук о культуре — наряду с другими методологическими поворотами, наблюдающимися в современных исследованиях культуры, — связана с современными трансформациями, которые по-новому открывают культурное многообразие, признавая возможность одновременного сосуществование различных исследовательских оптик. Динамика научного знания часто описывается в контексте смены научных парадигм, под которыми Т. Кун [Кун, 2003] понимал совокупность фундаментальных установок, представлений и терминов, принимаемых и разделяемых научным сообществом в период между научными революциями. Другим распространённым вариантом описания динамики науки является концепция конкуренции исследовательских программ И. Лакатоса [Лакатос, 2003]. При всём различии этих подходов, научные парадигмы и исследовательские программы по сей день представляются как достаточно масштабные и устойчивые системы научного знания, обладающие концептуальной, логической и понятийной целостностью. Поэтому их смена ведёт к существенному изменению методологии и методов исследования, а перевод знания из одной такой целостной системы в другую оказывается затруднительным. Понятие методологических поворотов отражает иной взгляд на динамику науки. Они разворачиваются постепенно, затрагивая исследовательский опыт разных научных

парадигм и исследовательских программ, преодолевая их ограничения и обеспечивая динамику науки в различные периоды её функционирования (не только в период научных революций или конкурентной замены одной исследовательской программы другой). Это особенно актуально для наук о культуре, трансформации которых представляются достаточно дифференцированными, эклектичными и далеко не всегда укладываются в рамки метапарадигм и соответствующих для них картин мира. Как пишет Д. Бахманн-Медик, ссылаясь на А. Нюннинга, повороты не отражают абсолютные и необратимые переломы в научных исследованиях, а скорее создают новые оптики, с помощью которых отдельный исследовательский подход соприкасаётся с другими дисциплинами [Бахманн-Медик, 2017: 19].

Темпоральный поворот, разворачивающийся в настоящее время в ряду других методологических поворотов, отражает открытие ещё одной исследовательской оптики, которая состоит в настройке методологии, методов и предметности исследований многообразия современной культуры на основании перехода от идеи универсального времени, охватывавшего динамику различных культур, к множественному пониманию времени, которое каждый раз проблематизируется в конкретных исследованиях. Для определения сущности и содержания темпорального поворота следует иметь в виду не только понимание того, как те или иные культуры и свойственные им социальные феномены, процессы, системы основываются на конструировании имманентного им кодирования времени, но прежде всего проблематику соотношения и взаимодействия различных конструктов времени в рамках конкретного предмета исследования. При этом темпоральный поворот, как и другие методологические повороты, задаёт общие тенденции, которые могут проявляться с разной силой, не затрагивая при этом уровень парадигмальных оснований науки, но постепенно задавая новый вектор исследования.

Можно предположить, что культурные предпосылки темпорального поворота

начали формироваться достаточно давно: современные общества темпоральны по своему определению, а в «переломное время» с середины XVIII по середину XIX вв., как показал Р. Козеллек, возникает понятийный аппарат, имеющий явные черты темпорализации [Козеллек, 2010: 26–27]. Заметный рост интереса к проблематике времени в социально-гуманитарных исследованиях наблюдается на протяжении последних нескольких десятилетий XX в., когда происходит отказ от универсального понимания идеи общественного развития, и интерес смещается к выявлению различных темпоральностей и взаимодействию между ними. Более очевидное проявление темпорального поворота происходит преимущественно в XXI в., после преодоления характерной для постмодернизма атемпоральности, которая, тем не менее, способствовала утверждению идеи одновременности различных тенденций.

Восходящие к своим вполне определённым предметным границам, науки о культуре в последние несколько десятилетий существенно расширили свою роль в интеграции социально-гуманитарного знания, что позволяет не только преодолеть разобщённость понятийных аппаратов отдельных дисциплин, но прежде всего исследовать культурные предпосылки и особенности общественных трансформаций во всём их многообразии. Ориентация на переосмысление культурных оснований проблематики социально-гуманитарных наук способствовала тому, что темпоральный поворот в настоящее время приобретает междисциплинарный характер. Пожалуй, в наибольшей степени он рефлексирован в исторической науке², которая ещё в XIX в. столкнулась с кризисом историзма. Провозглашая универсальную темпоральность истории, историзм поставил проблему концептуализации исторического времени, в результате чего остро выявилась его относительность. В современной исторической науке темпоральный поворот связывается с фундаментальным

изменением темпоральности исторического опыта в XXI в., а именно с замещением концепции линейного, необратимого и прогрессивного времени концепцией нелинейного времени с характерной для неё многомерной темпоральностью [Чеканцева, 2023]. В настоящее время, как пишет А. Олейников [Олейников, 2021], темпоральный поворот расширяет предмет исторических исследований за счёт включения малоисследованных ранее вопросов вариативности переживания и упорядочивания времени, а также проблематизирует разные способы конструирования исторического прошлого — не только профессиональными историками, но и обычными людьми. В частности, как показывает Дж. Моулсворт [Molesworth, 2019], темпоральный поворот в современных исследованиях истории XVIII в. проявляется в междисциплинарном анализе таких изменений в музыке, литературе, искусстве, науке и технике, которые были направлены в тот период на преодоление устаревшего представления о времени как о цикличном или повторяющемся.

В свою очередь, темпоральная оптика в социологических исследованиях позволяет увидеть различные жизненные перспективы во взаимосвязанных и влияющих друг на друга уровнях социальной реальности [Ярская-Смирнова, Ярская-Смирнова, 2023: 113]. Так, В. Н. Ярская-Смирнова рассматривает возможности темпорального поворота, обращаясь к контексту темпоральности травмы [Ярская-Смирнова, 2023] и, более конкретно, пандемического кризиса.

В политических науках темпоральный поворот связан, в частности, с развитием хронополитики. Интерес к хронополитическим исследованиям вызван характерной для современной культуры релятивизацией времени политического действия, включая настоящее время, которое предстаёт гетерогенным и не является одним и тем же для различных политических субъектов [Пятигорский, Алексеев, 2008: 164–165].

² В 2021 г. темпоральному повороту в исторической науке был посвящён один из выпусков журнала Логос. Логос. 2021. Т. 31, № 4(143) Темпоральный поворот и реполитизация истории.

Сегодня в социальной и культурной антропологии, а также в этнографических исследованиях, всё чаще ставится проблема интерпретации разнообразных и противоречивых категорий времени, способов его измерения, фиксации и переживания [Размышления об «антропологии времени»..., 2021]. В частности, Н. В. Ссорин-Чайков на этнографическом материале рассматривает проблематику синхронизации множественной темпоральности на основе отношений изменения и обмена [Ссорин-Чайков, 2021].

В экономических науках некоторые предпосылки темпорального поворота возникают в результате пересмотра доминировавшего со времён А. Смита тезиса об автономном индивиде как рациональном максимизаторе полезности. Современные экономисты описывают экономическое поведение как более сложное, предпочитая рассматривать его с учётом ценностных оснований в рамках конкретных культурно-антропологических контекстов [Ольсевич, 2012], что также актуализирует проблематику времени и темпоральности. В частности, в поведенческой экономике исследуются феномен временной несогласованности и проблематика временных предпочтений, межвременных конфликтов, — например, связанных с терпением и нетерпением.

Темпоральный поворот проявляется также в исследованиях социально-правовой проблематики [Pecile, 2023], миграционных процессов³, в биоэтике [Мещерякова, 2012] и других предметных областях.

Вместе с тем, остаются вопросы в определении темпорального поворота с точки зрения отличия исследований темпоральности от обращения к проблематике переживания конкретного периода или эпохи. В частности, гипотеза Е. Черепановой [Черепанова, 2001] о темпоральном повороте в европейской культуре первой трети XX в. основывается на исследованиях изменения структуры субъективности индивида под влиянием травмы времени

начала XX в. и особенно после Первой мировой войны (на примере эго-документов А. Майнонга). Действительно, в тот период многие философские исследования отражали переосмысление «духа эпохи» или «кризиса времени», однако интенсивность обращения к этой проблематике, вряд ли может свидетельствовать о методологическом повороте, а чувство современности и внимание к изменениям наблюдалось и раньше. Тем более, автор этой гипотезы признаёт недостаточное влияние указанного разворота на методологию и предмет исследования.

Обращают на себя внимание и достаточно противоречивые определения темпорального поворота. Например, множественная темпоральность, ставшая заметной темой исследований в русле темпорального поворота, предполагает множественность культурных миров и, соответственно, ориентацию на творческие способности человека в создании таких миров. Поэтому, с одной стороны, темпоральный поворот связывается с усилением роли индивидуальной темпоральности человека в условиях текучей реальности [Снежко, 2024]. С другой стороны, в некоторых исследованиях социально-правовой проблематики темпоральный подход используется для критики антропоцентричного характера современного права. Ориентация на различные темпоральности (например, межпоколенческие или глобальные) рассматривается в этой связи как контекст для деконструкции индивидуального субъекта, который замещается сетями, связями и объединениями. В социально-правовом отношении это создаёт основания для переосмысления таких фундаментальных правовых форм, как, например, собственность [Pecile, 2023]. К другим достаточно противоречивым тезисам можно отнести утверждения о том, что темпоральный поворот связан, с одной стороны, с переориентацией на темпоральные структуры сознания и феноменологию проблематики времени, с другой,

³ Pereira A. The Temporal Turn in Migration Studies // *Desenvolvimento Humano Integral*. 2022. 25 Jul. URL: <https://dhi.hypotheses.org/3386>

он выводится из онтологического поворота М. Хайдеггера, который придаёт времени онтологическое измерение.

Существующая в современной литературе противоречивость и неполнота определения сущности, содержания и временных рамок темпорального поворота свидетельствует о его незавершённости. Вряд ли можно утверждать, что он оформился как устойчивая и относительно целостная тенденция в различных социально-гуманитарных областях знания. Тем не менее, можно выделить общие признаки исследований, связанных, по нашему мнению, с темпоральным поворотом.

Среди них можно назвать пять основных:

- во-первых, переход от субстанциональных и одномерных определений времени к реляционистским и многомерным;
- во-вторых, переход от рассмотрения времени как фундаментального фактора упорядочения явлений и процессов, типологии культур (например, как развитых и неразвитых, современных и архаичных, динамичных и стагнирующих) к идее сконструированности времени и его имманентности конкретной культуре;
- в-третьих, смещение акцентов с универсальности на уникальность переживания времени, включая проблему памяти и её роли в культурной идентичности;
- в-четвертых, рассмотрение актуального переживания времени не в логике последовательного соотношения прошлого, настоящего и будущего, а как сложного многослойного пересечения разнообразных темпоральностей, которые описываются в большей мере не как последовательности, а как потоки;
- в-пятых, актуализация проблематики взаимодействия, в том числе конфликтного, различных темпоральностей в рамках одного предметного поля исследования.

Темпоральный поворот, таким образом, представляет собой научную рефлексию изменений, характерных для современных

культур, в которых кодирование и переживание времени оказывается более сложным и многомерным, а на смену циклическим или линейным темпоральностям приходят взаимосвязи между многообразными нелинейными темпоральностями.

Культурные предпосылки темпорального поворота в контексте смены типов научной рациональности

Одним из направлений конкретизации темпорального поворота является его рассмотрение в связи со становлением постнеклассического типа научной рациональности, который приходит на смену классическому и неклассическому.

Научная рациональность, как и смена её типов, тесно связаны с культурными предпосылками современных обществ, становление которых, как показал М. Вебер⁴, происходит на основании рационализации различных сфер общественной жизни. Классический тип научной рациональности складывался в культуре ранних современных обществ. Характерное для этой культуры объективированное время утверждалось в процессах становления нового типа социальности, основанного на универсализации и рационализации жизненных миров. К примеру, экспериментальное естествознание на заре эпохи модерности развивалось в логике представлений об абсолютном и однородном времени: научный эксперимент в классической науке считался удачным, если его результаты могли быть получены повторно. В средневековой алхимии время переживалось иначе: то, что было возможно в одно время, невозможно в другое. Начиная с XVII в. доминировала идея, согласно которой объективность и предметность научного знания достигается за счёт исключения из объяснения всего того, что связано с субъектом и субъективностью, а исследовательские процедуры понимались как неизменные и независимые от личности исследователя [Степин, 1992: 177].

⁴ Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. Москва: РОССПЭН, 2006. С. 111.

Объективированная темпоральность связана с концептуализацией модернизационного развития культуры, которое со второй половины XVIII в. и до недавнего времени понималось в контексте идеи универсальности прогресса. В результате серии научных открытий в рамках классического и неклассического типов рациональности заметно вырос интерес к истории не только общества, но и естественных систем — «истории Земли», «истории космоса», «истории жизни», «истории океана». Это способствовало переориентации экспериментального знания с классической идеи воспроизводимости эксперимента в любом времени и пространстве на представление о невозможности повторения одних и тех же состояний в исторически развивающихся системах. Представления о биологической эволюции также способствовали утверждению идеи развития, которое понималось в логике последовательности и поступательности процессов. С середины XIX в. в общественно-политической публицистике «живая» органическая целостность противопоставлялась «мёртвому» механическому разуму. Органические и эволюционные метафоры берут на вооружение представители консервативной мысли, особенно в России и Германии. Своим либеральным оппонентам они приписывали качества мышления, связанные с холодной, разделяющей и умертвляющей механической рациональностью. Но и в физике происходили существенные изменения, связанные с разработкой теории поля, а позднее — с теорией относительности и квантовой теорией, что привело к распространению связанных с неклассической физикой идей и представлений в исследованиях культуры.

Такая трансформация классической и неклассической научной рациональности предполагает утверждение проблематики времени в качестве основания культурной картины мира. Переориентация мышления с репрезентации устойчивых систем на выявление последовательностей их изменений потребовало принципиального изменения стиля мышления, в котором история, как писал М. Фуко, взяла на себя функции метафизики [Фуко,

1994: 245–246]. Согласно его концепции, история раздваивается на науку о событиях и на способ бытия всего того, что дано в опыте. Если раньше мысль размещалась, по словам Фуко, «между порядком и Порядком» — между человеческим восприятием (воображением) и божественным разумом или волей, то с XIX в. — «между историей и Историей, между событиями и Первоначалом, эволюцией и первоначальным отрывом от источника, между забвением и Возвратом» [Фуко, 1994: 245].

В культуре XX в. представления о времени проблематизируются и релятивизируются наиболее очевидным образом. В неклассической науке время и темпоральность связываются с наблюдателем. Возникает идея многообразия систем с разной темпоральностью, проявившаяся, например, в идее культурного хронотопа М. М. Бахтина, — для которого, кстати, проблематика времени не поглощалась полностью понятием хронотопа (не случайно, его работа, написанная в основном в 1937–1938 гг., названа «Формы времени и хронотопа в романе») [Бахтин, 2000].

Несомненно, указанные тенденции становления неклассической рациональности подготовили современный темпоральный поворот, однако его сущность в большей степени определяется новейшими изменениями культурных оснований науки, связанных с постнеклассическим типом рациональности. Последовательность состояний и причинно-следственных связей между ними перестаёт быть доминантной объяснительной стратегией. В различных науках наблюдается переориентация исследований на выявление потоков, отражающих смену состояний сложных открытых и динамичных систем, характеризующихся внутренними процессами самоорганизации и саморазвития. Идея множественности вариантов и принципиальной непредсказуемости поведения систем в фундаментальном естествознании проявляется, например, в открытии квантовых скачков, нелокальности, множественности миров. Из одной области знания в другую распространяются идеи о том, что периферийные факторы могут оказывать решающее влияние, а случайность может

доминировать над тем, что воспринималось как закономерное. Идея исторической последовательности вытесняется представлениями о непредсказуемых событиях, способных радикально менять направления процессов. В современной культуре потоки событий могут возникать внезапно и распространяться подобно вирусным эпидемиям, а затем исчезать, не оставляя заметных последствий. Такие события могут быть искусственно сконструированы, они могут разворачиваться в различных мирах — актуальных и потенциальных, воображаемых, виртуальных. В анализе потоков случайных событий, — таких, например, как потоки туристов, принимающих решение посетить конкретный объект исторического наследия, или потоки держателей акций, которые в один момент решают их продавать или покупать, — используются математические модели потоков Пуассона, Пальма, Эрланга.

Значимым трендом в научных исследованиях становится обращение к концепциям, описывающим нелинейную динамику сложных систем, множественность потенциальных направлений их развития, фиксирующих многообразные тенденции. К примеру, в исторической науке развиваются такие новые направления, как виртуальная история и разные версии контрфактической истории [Virtual History..., 1999]. Речь идёт об исследовании, в частности, нереализованных в истории альтернатив и правдоподобных исторических миров. В каждом из таких исследований историческое время задаётся особым образом. Например, в умеренной версии контрфактической истории точкой отсчёта является действительное историческое событие, а затем историческое время обращается в прошлое. Такое понимание времени является основанием конструирования альтернативной истории, в которой удаётся избежать данного события. Вопрос о научном статусе виртуальной и контрфактической версий истории остаётся дискуссионным, но обращают на себя внимание характерные для современной культуры проявления темпоральности, предполагающей сосуществование альтернативных линий разворачивания действительности.

Культурные основания становление постнеклассического типа научной рациональности связаны с характерными для высокой модерности трансформациями, которые способствуют проблематизации множественности культурных миров. В современных обществах иерархические отношения вытесняются сетевым индивидуализмом. Размываются стратогические, профессиональные, этнические, конфессиональные и другие различия. Общество, которое описывалось этими различиями, трансформируется во множество (multitude), как об этом писали М. Хардт и А. Негри [Хардт, Негри, 2004]. Ещё в начале 1970-х гг. О. Негт и А. Клуге обосновывали принципиальную неоднородность публичной сферы [Negt, Kluge, 1972]. По их мнению, пролетариат, например, вырабатывает собственную публичность, которая не совпадает с буржуазной публичной сферой. Но свою публичность формирует не только пролетариат: как доказывает Н. Фрезер [Freser, 1992], возникает множество публик, которые создают собственные дискурсы и свои публичные сферы. За множественной публичностью стоит множественная онтология, отражающая множественность культурных миров и связанных с ними перспектив. В идущей от Т. Гоббса традиции философского мышления множество понималось как деструктивный фактор, который требовалось взять под контроль. Это способствовало тому, что сформировавшийся в последние столетия социально-политический понятийный аппарат вытеснил понимание множественности на периферию публичной жизни. Однако в последнее время множество реабилитируется [Вирно, 2013]. Оно понимается теперь не как промежуточная форма и неорганизованная масса, а как динамичный носитель коммуникативного разума. Интерактивная медиасреда позволяет избегать иерархичности и воспроизводить эту хаотичную множественную публичность. Ценой этих трансформаций является виртуализация культуры — с характерными для этого процесса возможностями и угрозами. Система социального контроля так же перестраивается, ориентируясь на необходимость работы

не с иерархически организованным социумом, а с множеством. Цифровизация контроля, основывающегося на анализе больших данных, например, решает именно эту задачу.

В этих условиях привычные объяснительные функции универсального или даже относительного времени утрачивают своё значение. Модели описания множественного проявления культурных миров не могут опираться ни на воспроизводство порядка, ни на воспроизводство исторической последовательности состояний этого порядка. Теперь речь идёт об обнаружении и обозначивании потоков, задающих многообразие темпоральностей и взаимодействия между ними.

Темпоральный поворот, таким образом, непосредственно связан со становлением в современной культуре постнеклассического типа научной рациональности, в которой на уровне парадигмальных оснований науки фиксируется принципиальная множественность темпоральностей и их взаимодействие.

Конкретизация темпорального поворота в науках о культуре в контексте его взаимосвязи с другими методологическими поворотами

Рассмотрение динамики науки в логике серии методологических поворотов обладает определённой эвристичностью для исследования развития социально-гуманитарного знания в контексте современной культуры. Этот процесс характеризуется сосуществованием разнообразных оптик, в котором теории предшественников не отвергаются, а перерабатываются и интегрируются в новые подходы. Конкретизация темпорального поворота в его отношении к другим методологическим поворотам позволяет увидеть не столько дивергенцию различных научных парадигм и исследовательских программ, сколько конвергенцию знания, включая трансдисциплинарные переводы понятий, подходов и методологических установок.

Методологические повороты отражают смещение фокуса исследовательского внимания на новые сферы реальности

и предметные области, новые методологические подходы, категориальный аппарат и новые подходы к инструментарию исследования. Поворот считается состоявшимся, когда новый ракурс переходит с предмета исследования на уровень концептуальной модели, её операционализацию и методы. В научной литературе речь идёт о весьма разнообразных поворотах. В современной философии, например, выделяют онтологический поворот, номатериалистический поворот, «тёмный» поворот. Междисциплинарная интеграция социально-гуманитарных наук и синтез разнообразных подходов отражают такие постдисциплинарные повороты, как, например, рискологический поворот (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман); материальный поворот (Б. Латур, Д. Пелс, К. Хезерингтон, Ф. Вандерберге); культуральный поворот (Дж. Александер) [Кравченко, 2014: 117].

Д. Бахманн-Медик описывает интерпретативный, перформативный, рефлексивный (или литературный), постколониальный, переводческий, пространственный, иконический повороты в науках о культуре, которые повлияли на развитие различных областей социально-гуманитарного знания. Эти повороты разворачиваются приблизительно с 1970-х гг. во взаимосвязи друг с другом.

Темпоральный поворот, так же, как и другие повороты в науках о культуре, очевидным образом восходит к одному из наиболее значимых метаповоротов — лингвистическому. В свою очередь, лингвистический поворот основывается на философии языка и аналитической философии. При этом важно отметить, что его влияние наиболее отчётливо обозначилось после выхода в 1967 г. сборника «Лингвистический поворот», изданного Р. Рорти [The Linguistic Turn, 1992]. Среди первых истоков лингвистического поворота наряду с аналитической философией Л. Витгенштейна следует назвать структурную лингвистику Ф. де Соссюра и его последователей. Хотя структурализм вытеснял проблематику времени на периферию своих интересов, потенциально он имел некие предпосылки, которые способствовали характерной для темпорального

поворота переориентации с диахронии на синхронию. Рассуждая о русско-советской версии структурализма, Б. Гройс обращает внимание на то, что ей изначально не была присуща методологическая чистота, за исключением методологического требования построения культурных типологий [Гройс, 2017: 224]. Это требование резонирует, по его мнению, с характерной чертой русской культуры, а точнее, русской литературы, которая не представляет человека в поиске и внутреннем изменении, а всегда рассматривает его как определённый тип, следствием чего «является хорошо известная «типичность» русских литературных героев, а также их хорошо известная бездеятельность», что является следствием не «русского характера», как иногда думают, а характерного литературного метода, который оказался близок структуралистскому мышлению (бездеятельность является следствием сохранения типичности героя). Распространение структурализма в условиях советской культуры способствовало утверждению представления о том, что структуры в разных типах культур инвариантны, и поэтому человек может, оставаясь самим собой, выбирать и погружаться в любой тип культуры, оставаясь «созерцателем всех культур и собственной культуры в том числе», что отражает «окончательное восстановление потока времени и окончательное выпадение из него» [Гройс, 2017: 241]. Иными словами, время перестаёт быть универсальным, оно не соединяет один тип культуры с другим, а является присущим конкретному культурному типу. Если разные типы, основанные на собственных структурах и системах кодирования, описываются в синхронии, то остается лишь шаг до рассмотрения различных темпоральностей как одновременных (поскольку временной код рассматривается как один из значимых кодов, который задаётся внутри каждой системы кодирования).

Б. Уорф, один из основоположников теории лингвистической относительности, утверждавшей, что разные языки создают разные картины мира, рассматривал обусловленность характерной объективации времени структурами языка. Сравнивая индоевропейские языки с языком хопи, он назвал несколько особенностей, ведущих к объективации времени в индоевропейских языках: использование одних и тех же числительных для реальной и воображаемой совокупности, наличие пространственных метафор времени (представления об «отрезках» времени, которые как бы имеют свою «длину»), употребление большого количества «временных» понятий («лето» или «утро», например), которые у хопи являются не существительными, а своеобразными временными наречиями⁵. Именно объективация времени позволяла поддерживать его универсализирующую роль в становлении культуры современных обществ. Если объективированное, универсальное, абсолютное, субстанциональное время как основание классического мышления (включая историзм в исторических науках) представляет собой лишь один из вариантов концептуализации времени, характерный всего лишь для определённого типа культуры, то возникает вопрос о других темпоральностях и их взаимодействии друг с другом, что закладывает существенные основания для темпорального поворота.

Хотя структурализм способствовал утверждению идеи опосредованности действительности языком, лингвистический поворот преодолевает структуралистский подход, переориентируется от языка к речи (от структуры к действию) [Остин, 2006: 263–281] и способствует движению социально-гуманитарного знания к конструктивизму. Концептуализация времени в языке рассматривается в современных исследованиях в отношении его влияния на конструирование событий [Evans, 2003].

⁵ Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. Антология. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Terra fantastica, 2003. С. 167. [Whorf, 1956].

Связь языка и времени интерпретируется в русле аналитической антропологии, исследующей формирование временных миров [Подорога, 2013], особое внимание уделяется роли языка в организации временных отношений смысла, памяти и опыта через семантику, синтактику и прагматику [Степанов, 2009]. Эти тенденции находят своё проявление и в темпоральном повороте, определяющем обращение исследований времени к проблематике темпоральных оснований конструирования культурных миров, способов их воспроизводства в языке, мышлении и деятельности.

Определённую роль в разворачивании темпорального поворота сыграли другие повороты в науках о культуре, прежде всего постколониальный. Перспектива темпорального поворота становится более очевидной, когда под влиянием постколониального поворота происходит включение в историю и культуру «народов без истории», которые обретают собственный дискурс — исторический, социальный, политический, культурный. Постколониальный поворот связан с актуализацией трансграничных и транскультурных отношений в целях достижения гармоничного взаимодействия многообразных традиций, преодоления унифицирующего воздействия глобального капитализма, нового американского империализма и евроцентричного понимания модерности [Cole 2004]. В результате возникает необходимость критического переосмысления тех концепций времени и темпоральности, которые ранее обеспечивали колониальное господство. Рассматривая структурный, релятивистский и когнитивный подходы к исследованию времени, Н. В. Ссорин-Чайков подвергает их критике с позиций постколониальных исследований, в рамках которых глобализации западного хронологического времени противопоставляется постколониальная борьба за публичную видимость множественности и разнообразия темпоральностей [Размышления об «антропологии времени»..., 2021]. Это, в свою очередь, актуализирует проблематику отношений между стандартизированным глобальным временем и локальными

темпоральностями, связанными с культурным многообразием современного мира. На смену таким классическим антиномиям, как «ориентация на опыт» или на «горизонт ожидания», «прогресс – регресс», «развитость – отсталость», «современность – традиция» приходит идея множественности миров, в которых современный человек существует синхронно, но как бы в разных временах.

Интерес представляет также анализ взаимосвязи темпорального поворота с другими методологическими поворотами — в философии (например, с темпорализацией бытия в результате провозглашённого М. Хайдеггером онтологического поворота) и в социально-гуманитарных науках (например, с актуализацией под влиянием переводческого поворота проблематики культурных трансферов, успешность или провал которых определяется перекодировкой смыслов, включая перевод с одного кода времени на другой). В результате такого анализа содержание темпорального поворота и его место в динамике современного научного знания могут быть конкретизированы, что позволит в большей степени раскрыть его потенциал в описании современных трансформаций культуры.

Заключение

Анализ культурных и интеллектуальных предпосылок темпорального поворота позволяет сделать вывод о его существенной роли в исследованиях как самой оптики, связанной с философией и теорией культуры, так и непосредственно антрополого-культурной проблематики, интегрированной в предметы различных социально-гуманитарных наук. Полагая, что темпоральный поворот в науках о культуре происходит под влиянием утраты универсального понимания времени, которое ранее выводилось за рамки предмета исследования, но играло роль основополагающей структуры, позволявшей выстраивать ключевые различия и типологии, мы тем самым реконструируем саму возможность иных способов времени (которые прекрасно существуют

в исторически и географически иных культурных мирах, но которые невероятно сложно транспонировать на бессознательную модель восприятия времени самим исследователем).

Обращение к проблеме темпоральности современных культур требует выявления не универсальных, а уникальных характеристик, что способствует росту интереса к методологическим тенденциям, связанным с темпоральным поворотом. В то же время, сохраняются признаки незавершенности темпорального поворота, которые проявляются как в противоречивом понимании его сущности и содержания, так и в различных подходах к концептуализации времени и его роли в социально-гуманитарных исследованиях.

Современные глобальные трансформации, связанные, в том числе, с глобализмом и его кризисом, цифровизацией и открытием множественных культурных миров — актуальных и потенциальных, реальных и виртуальных, — ставят проблему включения в предмет исследования идеи темпоральных различий, возможностей взаимодействия различных темпоральностей, относящихся не только к разным культурным мирам, но и к разным сферам и уровням социальной и культурной регуляции. Эти и другие аспекты современных социально-гуманитарных исследований, как предполагается, будут способствовать росту внимания к темпоральному повороту в качестве одной из тенденций развития наук о культуре и его междисциплинарному потенциалу.

Список литературы:

- Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. — Москва: Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с.
- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Эпос и роман. — Санкт-Петербург: Азбука, 2000. — С. 9–193.
- Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2013. — 176 с.
- Гройс Б. Ранние тексты: 1976–1990. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. — 496 с.
- Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. — Москва: Новое литературное обозрение, 2010. — С. 21–33.
- Кравченко С. А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика. — 2014. — № 1. — С. 110–124.
- Кун Т. Структура научных революций. — Москва: АСТ, Ермак, 2003. — 365 с.
- Лакатос И. Методология исследовательских программ. — Москва: АСТ, Ермак, 2003. — 380 с.
- Мещерякова Т. В. Memory-turn, или возврат к утерянному // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2012. — № 4. — С. 187–193.
- Олейников А. Время истории // Логос. — 2021. — Т. 31, № 4. — С. 5–30. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-4-5-27>
- Ольсевич, Ю. Я. Когнитивно-психологический сдвиг в аксиоматике экономической теории. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2012. — 224 с.
- Остин Д. Три способа пролить чернила: Философские работы. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2006. — 335 с.
- Подорога В. Kairos, критический момент. Актуальное произведение искусства на марше. — Москва: Grundrisse, 2013. — 180 с.
- Пятигорский А. М., Алексеев О. Б. Размышляя о политике. — Москва: Новое издательство, 2008. — 190 с.
- Размышления об «антропологии времени» и режимах темпоральности: реплики к дискуссии / М. Г. Агапов, З. С. Васильева, А. И. Карасева [и др.] // Этнографическое обозрение. — 2021. — № 6. — С. 104–128. <https://doi.org/10.31857/S086954150017937-0>

- Снежко Г. Е. Темпоральный поворот в современном социогуманитарном знании // Лосевские чтения. — Новочеркасск: НОК, 2024. — С. 126–129.
- Ссорин-Чайков Н. В. Антропология времени: очерк истории и современности // Этнографическое обозрение. — 2021. — № 6. — С. 83–103. <https://doi.org/10.31857/S086954150017934-7>
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — Москва: URSS, 2009. — 331 с.
- Степин В. С. Философская антропология и философия науки. — Москва: Высшая школа, 1992. — 191 с.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — Санкт-Петербург: А-сэд., 1994. — 408 с.
- Хардт М., Негри А. Империя. — Москва: Праксис, 2004. — 434 с.
- Чеканцева З. А. Темпоральный поворот в исторической культуре XXI века // Историческая наука и образование в XXI веке. — Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2023. — С. 321–329.
- Черепанова Е. Темпоральный поворот: случай Майнотта // Логос. — 2001. — Т. 31, № 6. — С. 193–216.
- Ярская-Смирнова В. Н. Темпоральность травмы (размышляя о книге Ж. Т. Тощенко) // Вестник Института социологии. — 2023. — Том 14. № 1. — С. 67–77. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.4>
- Ярская-Смирнова В. Н., Ярская-Смирнова Е. П. Темпоральный поворот в исследованиях социокультурной реальности // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2023. — Т. 29, № 3. — С. 111–123. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.3.052>
- Cole M. US Imperialism, Transmodernism and Education: A Marxist Critique // Policy Futures in Education. — 2004. — Vol. 2, No 3-4. — P. 633–643. <https://doi.org/10.2304/pfie.2004.2.3.15>
- Evans V. The Structure of Time: Language, Meaning and Temporal Cognition. — Amsterdam: John Benjamins, 2003. — 292 p.
- Freser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Social Text. — 1990. — № 25/26. — P. 56–80. <https://doi.org/10.2307/466240>
- Molesworth J. Introduction: The Temporal Turn in Eighteenth-Century Studies // The Eighteenth Century. — 2019. — Vol. 60, № 2. — P. 129–138. <https://doi.org/10.1353/ecy.2019.0012>
- Negt O., Kluge A. Öffentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisationsanalyse von bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit. — Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1972. — 490 p.
- Pecile V. Rethinking Legal Time: The Temporal Turn in Socio-Legal Studies // Oñati Socio-Legal Series. — 2023. — Vol. 13, № S1. — P. 386–401. <https://doi.org/10.35295/osls.iisl.1811>
- The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method / ed. by R. Rorty. — Chicago: University of Chicago Press, 1992. — 407 p.
- Virtual History: Alternatives and Counterfactuals / ed. by N. Ferguson. — New York: Basic Books, 1999. — 560 p.
- Whorf B. The relation of habitual thought and behavior to language // Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. — Cambridge: MIT Press, 1956. — P. 134–159.

References:

- Agapov, M. G. and et al (2021) 'Reflections on the "Anthropology of Time" and Regimes of Temporalities: Discussion Forum', *Etnograficheskoe obozrenie*, (6), pp. 104–128. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086954150017937-0>
- Austin, J. L. (1979) *Philosophical papers*. Oxford: Oxford University Press. (Russ. ed.: (2006) *Tri sposoba prolit' chernila: Filosofskiye raboty*. Saint Petersburg: Aletheia Publ.).
- Bachmann-Medick, D. (2016) *Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture*. Berlin Boston: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110402988> (Russ. ed.: (2017) *Kul'turnyye povoroty. Novyye oriyyentiry v nauках o kul'ture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.).

- Bakhtin, M. M. (2000) 'Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]', in *Epos i roman [Epic and Novel]*. Saint Petersburg: Azbuka Publ., pp. 9–193. (In Russian).
- Chekantseva, Z. A. (2023) 'The Temporal Turn in Twenty-First Century historical Culture', in *Istoricheskaya nauka i obrazovaniye v XXI veke [Historical Science and Education in the 21st Century]*. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., pp. 321–329. (In Russian).
- Cherepanova, E. (2001) 'A Temporal Turn: The Case of Meinong', *Philosophical Literary Journal Logos*, (6), pp. 193–216. (In Russian).
- Cole, M. (2004) 'US Imperialism, Transmodernism and Education: A Marxist Critique', *Policy Futures in Education*, 2(3–4), pp. 633–643. <https://doi.org/10.2304/pfie.2004.2.3.15>.
- Evans, V. (2005) *The structure of time: language, meaning, and temporal cognition*. Amsterdam: Benjamins.
- Ferguson, N. (ed.) (1999) *Virtual history: alternatives and counterfactuals*. New York: Basic Books.
- Foucault, M. (1966) *Les mots et les choses. Une archeologie des sciences humaines*. Paris: Callimard. (Russ. ed.: (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. Saint Petersburg: A-cad Publ.).
- Fraser, N. (1990) 'Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy', *Social Text*, (25/26), pp. 56–80. <https://doi.org/10.2307/466240>
- Groys, B. (2017) *Ranniye teksty: 1976–1990 [Early Texts: 1976–1990]*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).
- Hardt, M. and Negri, A. (2000) *Empire*. Cambridge: Harvard University Press. (Russ. ed.: (2004) *Imperiya*. Moscow: Praxis Publ.).
- Koselleck, R. (2002) 'Hinweise auf die temporalen Strukturen begriffsgeschichtlichen Wandels', in *Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte*. Göttingen: Wallstein-Verl., pp. 29–48. (Russ. ed.: (2010) 'K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitii ponyatiy', in *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., pp. 21–33.).
- Kravchenko, S. A. (2014) 'The Arrow of Time: Challenges for Sociological Knowledge', *Sociological Science and Social Practice*, (1), pp. 110–124. (In Russian).
- Kuhn, T. S. (1962) *The structure of scientific revolutions*. Chicago: The University of Chicago Press. (Russ. ed.: (2003) *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. Moscow: AST, Yermak Publ.).
- Lakatos, I. (1978) *The Methodology of Scientific Research Programmes: Philosophical Papers*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511621123> (Russ. ed.: (2003) *Metodologiya issledovatel'skikh programm*. Moscow: AST, Yermak Publ.).
- Mescheryakova, T. V. (2012) 'Memory-Turn or Return to the Lost', *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (4), pp. 187–193. (In Russian).
- Molesworth, J. (2019) 'Introduction: The Temporal Turn in Eighteenth-Century Studies', *The Eighteenth Century*, 60(2), pp. 129–138. <https://doi.org/10.1353/ecy.2019.0012>
- Negt, O. and Kluge, A. (1972) *Öffentlichkeit und Erfahrung: zur Organisationsanalyse von bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit*. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp.
- Oleynikov, A. (2021) 'History's Time', *Philosophical Literary Journal Logos*, 31(4), pp. 5–30. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-4-5-27>
- Olsevich, Yu. Y. (2012) *Kognitivno-psikhologicheskii sdvig v aksiomatike ekonomicheskoy teorii [Cognitive-psychological shift in the axiomatics of economic theory]*. Saint Petersburg: Aletheia Publ. (In Russian).
- Pecile, V. (2023) 'Rethinking legal time: The temporal turn in socio-legal studies', *Oñati Socio-Legal Series*, 13(S1), pp. S386–S401. <https://doi.org/10.35295/osls.iisl.1811>
- Podoroga, V. (2013) *Kairos, kriticheskiy moment. Aktual'noye proizvedeniye iskusstva na marshe [Kairos, Critical Moment. A Contemporary Work of Art on the March]*. Moscow: Grundrisse Publ. (In Russian).
- Pyatigorskiy, A. M. and Alekseev, O. B. (2008) *Razmyshlyaya o politike [Meditating on politics]*. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ. (In Russian).
- Rorty, R. (ed.) (1992) *The linguistic turn: essays in philosophical method; with two retrospective essays*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Snezhko, G. E. (2024) 'A Temporal Turn in Modern Socio-Humanitarian Knowledge', in *Losevskiye chteniya [Losev Readings]*. Novocherkassk: NOK Publ., pp. 126–129. (In Russian).

Ssorin-Chaikov, N. V. (2021) 'The Anthropology of Time: History and the State of the Art', *Etnograficheskoe obozrenie*, (6), pp. 83–103. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086954150017934-7>

Stepanov, Yu. S. (2009) *V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskiye problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the Three-Dimensional Space of Language: Semiotic Problems of Linguistics, Philosophy, and Art]. Moscow: URSS Publ. (In Russian).

Stepin, V. S. (1992) *Philosophische Anthropologie und Philosophie der Wissenschaft*. Moskau: Hochschulverl. (In Russian).

Virno, P. (2001) *Grammatica della moltitudine. Per un'analisi delle forme di vita contemporanee*. Soveria Mannelli: Rubbettino Editore. (Russ. ed.: (2013) *Grammatika mnozhestva. K analizu form sovremennoy zhizni*. Moscow: Ad Marginem Press.).

Whorf, B. (1956) 'The relation of habitual thought and behavior to language', in *Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge: MIT Press, pp. 134–159.

Yarskaya-Smirnova, V. (2023) 'Temporality of trauma (reflecting on the book by Zh. T. Toshchenko)', *Vestnik instituta sotziologii*, 14(1), pp. 67–77. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.4>

Yarskaya-Smirnova, V. N. and Yarskaya-Smirnova, E. R. (2023) 'Temporality Turn in the Studies of Sociocultural Reality', *Izvestia Ural Federal University Journal Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 29(3), pp. 111–123. (In Russian). <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.3.052>

Информация об авторе

Дмитрий Геннадьевич Горин — доктор философских наук, профессор кафедры политическо-го анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 117997, Москва, Стремянный пер., 28, корп. 1, ауд. 340. (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Dmitry G. Gorin — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes of Plekhanov Russian University of Economics, office 340, 28-1, Stremyanny lane, Moscow, Russia, 117997 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026; одобрена после рецензирования 08.05.2026; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 20.03.2026; approved after reviewing 08.05.2026; accepted for publication 03.06.2026.